

Махмутов Хузиахмет Шагиахметович

ТАТАРСКИЙ ФОЛЬКЛОР: ТАЙНЫ ДРЕВНИХ ИЗРЕЧЕНИЙ

Статья посвящается сравнительно-историческому анализу древних форм паремий и различных словесных формул татарского фольклора. Автором предпринимается попытка раскрытия их магических, сакральных и других переносных значений, встречавшихся в духовной жизни и повседневном быту людей на ранних стадиях общества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/7-2/30.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (18): в 2-х ч. Ч. II. С. 113-117. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

4. **Завьялова Н. А.** Фразеологизмы с компонентом цветообозначения как отражение японской, английской и русской языковых картин мира: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007. 24 с.
5. **Закиров Р. Р.** Фразеологические единицы с компонентом цветообозначения в русском, английском, татарском языках: дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2003. 267 с.
6. **Кайбияннен А. А.** Устойчивые атрибутивно-субстантивные сочетания с прилагательными цвета в современном русском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 1995. 19 с.
7. **Кузнецова Э. В.** Лексикология русского языка: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1982. 152 с.
8. **Мерзук Я.** Устойчивые сочетания, включающие цветообозначения, в современном русском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1997. 18 с.
9. **Ожегов С. И., Шведова, Н. Ю.** Толковый словарь русского языка. Изд-е 4-е, доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
10. **Праченко О. В.** Фразеологические единицы с колоративным компонентом в русском, английском, испанском, португальском языках: дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2004. 273 с.
11. **Рахлина Е. В.** Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2000. 416 с.
12. **Степанова Г. В., Шрам А. Н.** Введение в семасиологию русского языка: учеб. пособие. Калининград: КГУ, 1980. 72 с.
13. **Тугужекова Т. Н.** Прилагательное *желтый* и его сочетаемость с существительными, называющими человека в русской языковой картине мира // Язык, культура, коммуникация: аспекты взаимодействия: научно-методический бюллетень / отв. ред. И. В. Пекарская. Абакан, 2009. Вып. 5. С. 135–147.
14. **Тугужекова Т. Н.** Сопоставительный анализ прилагательных, связанных с характеристикой духовных и физических качеств человека, в английском, русском и хакасском языках (на примере прилагательных, обозначающих понятие «белый») // Вестник ХГУ им. Н. Ф. Катанова. Серия «Языкознание». Абакан, 2001. Вып. 2. С. 33–40.
15. **Тугужекова Т. Н.** Сочетаемость прилагательного *синий* с существительными, называющими человека, в русском языке // Вестник ХГУ им. Н. Ф. Катанова. Серия 5. Филология. Языкознание. Абакан, 2007. Вып. 8. С. 12–15.
16. **Хакасско-русский словарь** / под ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2011. 1114 с.
17. **Языкознание: большой энциклопедический словарь** / гл. ред. В. Н. Ярцева. Изд-е 2-е. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. 685 с.

**COMBINATIVE POSSIBILITIES OF COLOUR DENOTATIONS
(BY MATERIAL OF THE RUSSIAN AND KHAKASS LANGUAGES)**

Natal'ya Anatol'evna Mart'yanova, Ph. D. in Philology
Department of the Russian Language Stylistics and Journalism
Khakass State University named after N. F. Katanov
nata-m@bk.ru

The author considers the notions “combinatory power”, and “free combination”, reveals the essence of semantic matching law, analyzes the syntagmatic connections of the colour denotations “белый (white)” (“ax”), “черный (black)” (“хара”), “красный (red)” (“хызыл”) in the Russian and Khakass literary languages in comparative aspect, and singles out the parameters demonstrating the universality of semantic matching law functioning.

Key words and phrases: syntagmatics; semantic matching law; free combinations; seme; colour denotations.

УДК 398.9(=512.145)

Филологические науки

Статья посвящается сравнительно-историческому анализу древних форм паремий и различных словесных формул татарского фольклора. Автором предпринимается попытка раскрытия их магических, сакральных и других переносных значений, встречающихся в духовной жизни и повседневном быту людей на ранних стадиях общества.

Ключевые слова и фразы: фольклор; афоризмы; паремия; поверья; загадки; магия; обряд; анимизм; знахарь; табу; генезис; тайная речь.

Хузиахмет Шагиахметович Махмутов, д. филол. н., профессор
Отдел народного творчества
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академия наук Республики Татарстан
bahtiyar1986@yandex.ru

ТАТАРСКИЙ ФОЛЬКЛОР: ТАЙНЫ ДРЕВНИХ ИЗРЕЧЕНИЙ©

Одной из наиболее важных, но одновременно и очень сложных проблем в изучении фольклорных жанров является выяснение их генезиса. Важность проблемы заключается в том, что она проливает свет на многие вопросы исторического развития жанра (эволюции его функций и форм бытования, идейно-эстетических

установок и т.д.). Трудность же вопроса, прежде всего, объясняется отсутствием или малочисленностью фактов и сведений, непосредственно связанных с этой проблемой. Поэтому, естественно, многие суждения в данной области являются гипотетическими.

В произведениях древнейших жанров фольклора, в число которых входят обрядовые песни, заговоры, поверья, загадки и др., «можно обнаружить такие черты мышления человека доклассового общества, как анимизм, антропоморфизм и магизм» [6, с. 41]. «История фольклора на ранних ступенях развития неизбежно включала значительные моменты магии», – утверждает В. П. Аникин [1, с. 67].

Магия (колдовство, чародейство) – это вера первобытного человека в то, что он при помощи определенных ритуальных действий и словесных формул способен влиять на силы природы и жизнь других людей, заставляя их поступать в желательном для себя направлении. Согласно утверждению Дж. Фрэзера, «магическое мышление основывается на двух принципах. Первый из них гласит: подобное производит подобное или следствие похоже на свою причину. Согласно второму принципу, вещи, которые раз пришли в соприкосновение друг с другом, продолжают взаимодействовать на расстоянии после прекращения прямого контакта» [12, с. 20]. Первый вид магии Дж. Фрэзер обозначает термином гомеопатическая (закон подобия), а второй вид – термином контагиозная (закон контакта).

Как видно из многочисленных примеров, приведенных Дж. Фрэзером, магические (колдовские) действия древних сопровождалась словесными выражениями, которым также придавалось огромное значение. А со временем, вследствие постепенного отмирания действий, магические формулы получали все большую самостоятельность и превратились в произведения словесного искусства. Таково, на наш взгляд, происхождение клятв (антлар), благопожеланий (алкышлар), проклятий (каргышлар), которым вплоть до наших дней приписывают магические функции.

Принципы гомеопатической магии (закон подобия) легко обнаружить в текстах татарских заговоров (ырым, эфсен, им-том), среди которых есть тексты очень простые и довольно объемные и высокохудожественные [9, с. 33-40; 11, с. 35-40]. Для краткости рассмотрим наиболее простые примеры. При излечении от желвака (твердый нарост) знахари у татар использовали такой же твердый предмет – точильный камень (брусок). Они примерно одинаковой формы и к тому же их татарские названия почти омонимичны: кырак – кайрак. В процессе лечения произносилось такое заклинание: «Кайрак каты, кырак каты, бу кешенен, шеше кайрак кебек булган, кырагы кайракка китсен, берләтэ кайтсын, бизеп бетсен» [10, с. 12-13] – «Брусок тверд и желвак тверд, у этого человека желвак стал как брусок, пусть его желвак перейдет в брусок, пусть сразу убывает, пусть отвалится и исчезнет».

Раньше татары, когда кто-нибудь из домашних болел корью, занавешивали окна красной материей, а глаза больного смачивали кровью красного петуха. Если кто страдал от желтухи, того сажали напротив самовара. Последний факт напоминает церемонию излечения от желтухи у древних индусов. Ее основная цель заключалась в том, чтобы перенести желтизну больного на существа и вещи желтого цвета. Для этого жрец произносил специальное заклинание: «Пусть твоя сердечная боль и желтуха уйдут к солнцу... На попугаев и дроздов мы переводим твою желтуху, да еще на желтую трясогузку переводим мы твою желтуху». При этом жрец с головы до ног обмазывал больного желтой кашицей, приготовленной из желтого растения куркума. Затем он желтой веревкой привязывал к ножке кровати больного трех желтых птиц: попугая, дрозда и желтую трясогузку... [12, с. 25-26].

Интересно отметить, что вышеуказанные способы лечения у татар от кори и желтухи закреплены в нашем фольклоре в виде специальных правил: «Кызамыкка кызыл кор» – «От кори занавесь красное»; «Сарыны сары кашпарыр» – «Желтизна убывает от желтого». Нетрудно убедиться в том, что это не случайные фразы, а афористические изречения: они лаконичны, благозвучны, у них очень богатая звуковая инструментировка. Эти изречения в наших фольклорных сборниках фигурируют иногда и как пословицы, для чего, вроде, есть и основание: по обобщенному смыслу их можно рассмотреть как синонимы пословицы «Клин клином вышибают». Однако в сущности обе эти паремии являются поверьями (суеверными предзнаменованиями), утратившими свою прогностическую функцию.

Что касается поверий вообще, то многие произведения этого жанра также возникли на основе принципа гомеопатической магии «подобное производит подобное». Рассказывая о том, как возник у тюрков 12-летний животный календарь, М. Кашгари в своем словаре «Дивану лугатиг тюрк» (XI в.) приводит и несколько поверий, связанных с отдельными годами этого цикла. Тюрки верят, свидетельствует он, что в год Коровы будет много войн, так как коровы часто бодаются друг с другом. А в год Крокодила ожидаются обильные дожди, потому что он живет в воде... Поверья с магическим прогнозом охватывают фактически все сферы жизни «Куш чикләвек ашасаң, игез бала табасың – Если съешь двойной орех (два сросшихся ореха), родишь двойню», «Илэк аша карасаң, киявеч шадра була – Если посмотришь через сито, тебе достанется рябой жених», «Баш киемен мунчала итеп идэн юарга ярамый, башың түбәнлеккэ төшә, ди – Нельзя мыть полы головным убором вместо мочалки, голова твоя попадет в унижение» и др.

Сохранились сведения об отдельных магических обрядах, служивших причиной рождения того или иного поверья. «Көтү килгәндә алдан кызыл сыер килсә, көн кояшлы булыр, эгәр дә кара сыер килсә – больштылы булыр – Если во главе стада идет красная корова, день будет солнечным, если же идет черная корова – день будет облачным», – гласит поверье. Раньше татары при молении о дожде приносили в жертву черную корову, при молении же о ясной погоде – красную корову. Магический принцип очевиден: черная корова – черная туча, красная корова – красное солнце. Или же еще такой пример. В светлую

ночь девушки-татарки расстилали на дворе собственноручно вытканый ими холст, надеясь, что на него перейдет белизна луны. Это нашло свое отражение в поверье «Ай нуры киндер агартуга яхшы – Под лунным светом хорошо белить холст».

Как видно и из приведенных выше поверий, оценка поступков людей по принципам магии может привести не только к позитивным, но и к негативным прогнозам (достанется рябой жених, голова попадет в унижение и т.п.). В последнем случае поверье, естественно, содержит в себе запрет. «Дикарь уверен, – пишет Дж. Фрэнгер, – что стоит ему поступать так-то и так-то... неизбежно произойдут такие-то и такие-то последствия. А если последствия какого-то поступка, как ему кажется, нежелательны или опасны, он... старается поступать так, чтобы не навлечь их на себя. Другими словами, он воздерживается от совершения того, что, как он полагает, в соответствии с ошибочными представлениями о причинно-следственных связях, может ему повредить. Такие вещи он табуирует» [Там же, с. 30].

Табу – явление многообразное, и большую подгруппу в нем составляют языковые запреты. В языках всех народов мира имеются табуированные слова, которые при тех или иных условиях не произносятся по различным соображениям. Крупный русский фольклорист и этнограф Д. К. Зеленин считает, что табу слов первоначально родилось во время древнейших промыслов. Первобытный человек был убежден, что животные понимают человеческий язык и слышат на большом расстоянии. Чтобы не отпугнуть животных и обеспечить себе удачный промысел, древний охотник не называл зверей и орудия охоты их настоящими именами, а заменял их подставными словами, которые якобы он понимал только сам. Так развились профессиональные охотничьи языки. В дальнейшем табу слов стало основываться и на других различных верованиях [3, с. 1-9].

В татарской филологии нет специальных исследований о табу слов, но все же в различных источниках можно найти ряд интересных сведений об этом явлении. По наблюдениям Д. К. Зеленина, в отношении табу слов у разных народов больше общего, нежели отличного. Те идеи и верования, которые приводит ученый в своем вышеуказанном труде, встречаются и среди татарского населения. У нас много подставных имен, основанных на вере в магическую силу слова. В этих случаях подставные слова избираются так, чтобы их содержанием воздействовать на неназываемое существо в желательном для человека направлении. Например, во многих местностях татары при встрече со змеей обращаются к ней словом «камчы» (плеть), после чего она якобы будет лежать спокойно, как плеть. Барабинские и омские татары называют медведя «латак» (олы ата) – «большой отец» и бабай «дедушка», считая, что он сердится, когда его зовут «медведь» и, наоборот, радуется, когда зовут «дедушкой» [Там же, с. 8]. Возможно, это поверье связано с когда-то имевшей место тотемизацией медведя. Например, у казанских татар имя зайца заменяется другим именем из-за того, что его считают священным, тотемным животным [2, с. 19-20]. Существует также запрет произносить слово «куян» (заяц) в присутствии ягнят и овец, отчего последние будто бы заболевают и мрут. Во избежание этого было принято употреблять подставные названия зайца: «кыр тэкэсе» (полевой баран), «озын колак» (длинноухий), «чал тэкэ» (седой, точнее – белый баран). В последнем факте налицо и следы анимизма – веры в существование духов-хозяев, которые «владели» лесами, полями, водами, покровительствовали диким или же домашним животным. По предположению Д. К. Зеленина, когда возникла идея о вражде разных духов-хозяев между собой, тогда люди стали пользоваться словесными запретами, чтобы угодить в каждый данный момент заинтересованному духу-хозяину, считаясь с его личными симпатиями, и умело лавировать между враждующими [3, с. 8].

Подвергались у татар запрету названия многих болезней, которые в древности представлялись в человеческом облике и с человеческими качествами (антропоморфизм). «Авыруның колагы сак – У болезни ухо острое», – предупреждает народное поверье. По сообщению К. Насыри, еще и во второй половине прошлого века татары лихорадку и насморк называли «безымянной болезнью» (атсыз авыру), а кладбище – «деревней без дыма» (төтенсез авыл) [8, с. 7, 36]. Считалось, что произнесение названия болезни как бы накликает ее, поэтому оно строго табуировалось: «Атын атама – адашып китсен» («Не произноси названия – пусть заблудится»).

О том, что татары очень серьезно относились к табу слов, говорит и такой факт. У нас в языке до сих пор сохранились правила, обучающие приемам табуирования слов и названий. В них дается ответ на следующие три вопроса: по какой причине нельзя называть предмет или существо своим именем, каким подставным словом его нужно заменить и на каком основании? Большинство этих правил переложено народом в легко запоминающуюся афористическую форму:

Жылан дисэң – жылата,
Камчы дисэң – тик ята.
Жылан дисэң – жылыша,
Корт дисэң – корый.
Чуан дисэң, – «чыгам» ди,
Корыботак дисэң – корый.
Чуан дисэң – чыга,
Бечэ дисэң – бетэ.
Кандала дисэң – кадала,
Кибэк дисэң – кибэ.

Назовешь змеей – заставит плакать,
Назовешь плетью – лежит спокойно.
Назовешь змеей – подбирается,
Назовешь червем – засыхает.
Назовешь чирьем – говорит «вскочу»,
Назовешь сухой веткой – засыхает.
Назовешь чирьем – вскочит,
Назовешь прыщем – кончается.
Назовешь клопом – всасывается,
Назовешь мякиной – засыхает.

Использованные здесь подставные имена как синонимы основных названий прочно вошли в лексический фонд татарского языка. В русском переводе они теряют некоторые нюансы, связанные с принципом табуирования. Змея – червь (корт) – корень татарского термина от глагола «кору» (засыхать); чирей – прыщ (бетчә) – от глагола «бетү» (кончатся); клоп – мякина (кибәк) – от глагола кибү (сохнуть) и т.д. Ясно, что все эти слова своим содержанием нацелены на искоренение вредного для человека существа.

Д. К. Зеленин отмечал, что подставные слова поражают своим сходством с народными загадками. Но впервые с целью разъяснения генезиса загадок на подставные слова обратила внимание И. М. Колесническая. Путем сравнительного изучения тех и других, она пришла к выводу, что форма иносказания служила зерном, из которого путем ряда усложнений, разработки первоначальной «замены», ритмизации, рифмовки и пр. постепенно развивалась форма современной народной загадки [4, с. 123-126, 141].

Генетическую и функциональную связь загадок с тайной (условной) речью еще глубже обосновал В. П. Аникин [1, с. 56-61].

Итак, в условной речи древних людей так же, как и в загадках, воспроизводится «словесный портрет» умалчиваемого предмета. И делается это при помощи одних и тех же приемов и средств изображения. Поэтому неудивительно, что при сопоставлении подставных имен тайной речи с образами из народных загадок обнаруживается их поразительное сходство, а нередко и полное совпадение:

Подставные слова	Загадки
Змея – каеш (ремень)	Юл өстендә майлы каеш (На дороге масляный ремень. – Змея)
Заяц – чал тәкә (седой баран)	Чал тәкәдә мөгез юк (У седого барана рогов нет. – Заяц)

Таким образом, генетическая связь загадки с подставными словами (тайной речью) подтверждается и материалами татарского фольклора. Оговоримся, что речь здесь шла в основном об образных загадках. Что касается загадок-вопросов и загадок-айтысов (соствязания в загадках), то они, должно быть, зародились непосредственно в составе различных обрядов. У славянских народов в дни Рождества и Нового года (Васильев вечер) наряду с колядками и различными обрядовыми песнями бытовали и загадки, восхваляющие солнце, ветер, воду, землю и т.д. («Что всего ярче?», «Что всего быстрее?», «Что всего жирнее?» и др.). Отгадывая загадки о явлениях природы, животных и растениях, человек стремился воздействовать на силы природы, покорить их себе [5, с. 292-293; 7, с. 205-206].

О единоборстве посредством отгадывания загадок (обычно между людьми и мифическими существами) рассказывается в легендах и преданиях многих народов. «Загадывание загадок русалками, сфинксом и им подобными существами воспроизводит борьбу человека с силами природы, – пишет В. П. Аникин. – Человек стремился разгадать тайный “язык” природы, чтобы овладеть ею самою» [1, с. 67].

Из всего сказанного следует вывод: загадка играла большую роль в жизни древнего общества. Как пишет В. П. Аникин, знание особой загадочной речи было обязательным для каждого человека, желающего обеспечить себе и своему роду благополучие и достаток [Там же, с. 75]. Именно поэтому при необходимости испытания человека загадка служила своего рода критерием. Богатые сведения об этом содержат народные сказки. В них с помощью загадок проверяется ум жениха перед женитьбой его на царской дочери, после чего он становится царем. Основываясь на многочисленных данных исторического и этнографического характера, В. П. Аникин утверждает, что предсвадебные испытания жениха, испытание мудрости, которое давало право приема в род, – все это имело место в реальной жизни на ранних стадиях развития общества [Там же, с. 110-115].

В результате общественно-исторического прогресса древние мифологические воззрения потеряли под собой почву. На этой основе загадка также постепенно утрачивала свое обрядовое значение, все больше приобретая развлекательную и эстетическую функции.

Список литературы

1. Аникин В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М., 1957.
2. Губайдуллин К., Губайдуллина М. Пища казанских татар // Вестник научного общества татароведения. 1927. № 6.
3. Зеленин Д. К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии // Сборник музея антропологии и этнографии. Л., 1929. Т. VIII. Ч. 1. Запреты на охоте и иных промыслах. С. 1-9.
4. Колесническая И. М. Загадка в сказке // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия «Филологические науки». 1941. Вып. 12.
5. Колесническая И. М. Народные загадки // Русское народное поэтическое творчество: пособие для вузов. Изд-е 2-е. М., 1956.
6. Кравцов Н. И., Лазутин С. Г. Русское устное народное творчество: учебник для филол. фак. ун-тов. М., 1977.
7. Митрофанова В. В. Современное состояние русских народных загадок // Современный русский фольклор. М., 1966.
8. Насыири К. Ләһжәи татари. 1 жилд. Казан, 1895.
9. Татар халык ыжаты: йола һәм уен жырлары / төзүчесе И. Н. Надилов. Казан, 1980.
10. Татар халык табышмаклары / төзүчесе Н. Исәнбәт. Казан, 1970.
11. Төш юрау китабы / төзүчесе М. Әхмәт-жанов. Казан, 1991.
12. Фрэнгер Дж. Золотая ветвь. М., 1980.

TATAR FOLKLORE: MYSTERIES OF ANCIENT SAYINGS**Khuziakhmet Shagiakhmetovich Makhmutov**, Doctor in Philology, Professor*Department of Folklore**Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov**Academy of Sciences of The Republic of Tatarstan**bahtiyar1986@yandex.ru*

The author conducts the comparative-historical analysis of the ancient forms of proverbs and sayings and various verbal formulae of the Tatar folklore, and undertakes an attempt to reveal their magical, sacral and other figurative meanings, which could be met in the spiritual and everyday life of people at the early stages of society.

Key words and phrases: folklore; aphorisms; proverb (saying); popular beliefs; riddles; magic; rite; animism; healer; taboo; genesis; secret speech.

УДК 372.8

Педагогические науки

Статья посвящена проблеме формирования коммуникативных универсальных учебных действий на уроках русского языка. Основное внимание акцентируется на интерактивных формах организации учебного процесса: фронтальной работе, работе в статичных и мигрирующих группах, в статичных парах и парах сменного состава, а также в центрах активного обучения.

Ключевые слова и фразы: коммуникативные универсальные учебные действия; интерактивное обучение; центры активного обучения.

Людмила Сергеевна Метликина, к. филол. н.*Кафедра русского языка**Московский государственный областной социально-гуманитарный институт**mila-22-79@mail.ru***ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ УНИВЕРСАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА®**

В настоящее время приоритетной целью школьного образования становится развитие способности ученика самостоятельно ставить учебные цели, проектировать пути их реализации, контролировать и оценивать свои успехи. Достижение данной цели возможно благодаря формированию универсальных учебных действий обучающихся.

Универсальные учебные действия – это обобщенные действия, порождающие мотивацию к обучению и позволяющие учащимся ориентироваться в различных предметных областях познания. Само это понятие, имеющее общепедагогическую и психологическую направленность, в нормативных документах общего образования появляется впервые [4, с. 22]. Однако это не значит, что до сих пор никто не занимался в образовательной деятельности формированием универсальных учебных действий. Просто такая деятельность не была специально обозначена и не включалась в целеполагание образовательного процесса.

В Федеральном государственном образовательном стандарте основного общего образования универсальные учебные действия сгруппированы в четыре основных блока: личностные; регулятивные, включая саморегуляцию; познавательные, включая логические и знаково-символические; коммуникативные [2, п. 8].

В данной статье мы рассмотрим, как на уроках русского языка в школе можно вести работу по формированию коммуникативных универсальных учебных действий. Исходя из самого названия «универсальные учебные действия», понятно, что их формирование может осуществляться только через систему практических заданий.

Коммуникативные действия обеспечивают возможность сотрудничества: умение слышать, слушать и понимать партнера, планировать и согласованно выполнять совместную деятельность, распределять роли, взаимно контролировать действия друг друга, уметь договариваться, вести дискуссию, правильно выражать свои мысли, оказывать поддержку друг другу, эффективно сотрудничать как с учителем, так и со сверстниками. К примеру, на уроках русского языка они могут формироваться при организации интерактивного обучения.

Интерактивное обучение – это обучение, построенное на взаимодействии учащегося с учебной средой, которая служит источником усваиваемого опыта [3, с. 87]. Для него характерно следующее:

- опора на опыт обучаемых (преобразование имеющегося опыта);